

С. И. Ожегова, – это «неприличная брань» [15, с. 293]. Согласно определению М. Н. Эпштейна «Мат является тематико-стилистически-экспрессивной группой слов, с тематической отнесенностью к телесному низу, стилиевой отнесенностью к просторечной, вульгарной, непристойной, обценной лексике, экспрессивной отнесенностью к бранной, ругательной, проклинательной лексике» [9, с. 24]. Это дает нам право отнести обценную лексику («profane language») или в переводе на русский язык «мат») к ругательствам, бранной лексике, различие между которыми будет просматриваться в тематической отнесенности мата к так называемому «телесному низу» (частям тела, связанных с продолжением рода) и, как указывается в Википедии, «based on four basic profane roots – nouns *penis, whore, cunt* and verb *fuck*» [17].

В заключении, учитывая функциональную направленность всех элементов предложенной выше классификации табуированной лексики, мы предлагаем первоначально разделить ее на две группы: на «инвективную» лексику, целью употребления которой является намерение оскорбить, унизить адресата речи, и на «неинвективную», выполняющую роль интенсификаторов. В рамках же этих двух направлений отнести брань (ругательства), инвективы к «инвективной лексике», а вульгаризмы, мат (обценные выражения) к неинвективной лексике, поскольку вульгаризмы также как и «обценные выражения могут употребляться не в составе собственно ругательств» [4, с. 61]. Однако следует отметить, что такое разделение возможно лишь в процессе тщательной оценки эмотивного и оценочного компонентов, входящих в структуру коннотативного аспекта лексического значения слова и здесь может наблюдаться ситуация, когда классифицируемые элементы могут пересекаться и принимать как инвективный так и не инвективный характер. Поскольку «в зависимости от контекста соотношение когнитивного и прагматического может широко варьироваться, так или иначе влияя на оскорбительный потенциал выражения» [2, с. 43].

Литература

1. Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. – М.: Просвещение, 1979. – 416 с.
2. Бузаджи Д. М. Норма ненормативного // Журнал переводчиков «Мосты». – Вып. III. – М., 2006. – С. 43
3. Жельвис В. И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. – М.: Ладомир, 2001. – С. 13
4. Левин Ю. И. Об обценных выражениях русского языка // Русская лингвистика. – 1986. – № 10. – С. 61-72.
5. Леонтьев А. А., Базылев В. Н., Бельчиков Ю. А. и др. Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. – М.: Фонд защиты гласности, 1997. – 128 с.
6. Маковский М. М. Феномен табу в традициях и языке индоевропейцев. Сущность–формы–развитие. – М.: Азбуковник, 2000. – 268 с.
7. Меркулова Э. Н. Прагматический аспект субколлоквиальных оценочных номинаций: дис. ... канд. филол. наук. – Н. Новгород, 1995. – 188 с.
8. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – С. 52.
9. Эпштейн М. Н. Репрезентация женского в языке. Корень ём- и его производные. 28с. <http://www.topos.ru/article/1729>
10. Голод О. Е. Особливості семантики та функціонування пейоративної лексики в сучасній німецькій мові: Автореф. дис. ... канд. філ. наук. – Львів, 2001. – 18 с.
11. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
12. Варбот Ж. Ж. Табу // Русский язык. Энциклопедия. М., 1998. – С. 552.
13. Даль В. И. Толковый словарь русского языка: современная версия. – М.: Эксмо-пресс, 2000. – 736 с.
14. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – Минск: Харвест, М.: ООО «Изд-во АСТ», 2001. – 976 с.
15. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1984. – 795 с.
16. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М: Сов. Энциклопедия, 1976. – 540 с.
17. Wikipedia: <http://en.wikipedia.org>

Антонова О. В.

ПРОИЗНОШЕНИЕ ВОЗВРАТНОГО ПОСТФИКСА В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Исследователи звучащей речи, обращавшиеся к проблеме звукового оформления возвратного постфикса *-ся/-сь* в русском литературном языке на рубеже XIX-XX столетий, утверждали, что нормативным является его произношение с твердым согласным. Об этом писали Р. И. Аванесов, Ф. Е. Корш, М. В. Панов, Д. Н. Ушаков, В. И. Чернышев, Н. Я. Черных и многие другие. Также большинство исследователей придерживается мнения, что в течение XX века «твердый» вариант произношения в речи литературно говорящих москвичей сменился «мягким» почти во всех фонетических позициях. Однако подробный анализ различных источников позволяет усомниться в однозначности подобного суждения.

На рубеже XIX-XX вв. ученые единодушно признают, что господствующим как в сценической орфоэпии, так и в речи всех литературно говорящих людей было произношение возвратного постфикса с твердым [с], то есть произносили: *бою↔[с]* (*бою↔сь*), *гну↔[с]* (*гну↔сь*), *стремлю↔[с]* (*стремлю↔сь*) и *боя↔л[с↔]* (*боя↔лся*), *гну↔л[с↔]* (*гну↔лся*), *стреми↔л[с↔]* (*стреми↔лся*). В. И. Чернышев утверждает, что «окончания *сь, ся* в глаголах произносятся твердо: *вырати↔лся, жени↔лся, вырачу↔с, женю↔с* и т. п.» [10, с. 54], подкрепляя свои слова примерами из известных поэтов: А. С. Пушкина (*бьюсь–муз; союз–боюсь*), В. А. Жуковского (*началась–нас*), И. А. Крылова (*родясь–час; глаз–поднялась*)¹ [10, с. 54], а также собственной транскрипцией некоторых слов: *взду↔мылыс* (*взду↔малось*), *путьти↔лиса* (*пусти↔лися*), *тагздружы↔лиса* (так *сдружи↔лися*), *извѣсти↔лиса* (*известил↔лися*), *вырати↔лиса* (*воротил↔лися*), *аста↔лис* (*оста↔лиль*) [10, с. 101]. Ф. Е. Корш в начале XX века последовательно транскрибирует: *забу↔ду[с]*, *возвратя↔[с]*, *наглядя↔[с]*, *обвила↔[с]*; *запер[са↔]* [4: 74, 93, 94].

Однако у В. И. Чернышева есть и другое любопытное свидетельство: «Подобно этому, и в глаголах на *сь* (произносятся *с*) поэты, при обычных рифмах на *с* (*разлилась – у нас*), допускают изредка и рифмы на *сь*. Так, у Пушкина находим рифмы: *изумясь – князь, князь – томясь, князь – не шевелясь* («Руслан и Людмила», песнь пятая), *обвилась – князь* («Песнь о Вещем Олеге»). У Некрасова, тоже как исключение, находим: *возясь – грязь* (Сочинения, т. I, 8-е изд. 1902, стр. 458). И у Фета есть рифма *связь – стыдьясь* («О, этот сельский день»). У Майкова также: *таясь – князь* («У гроба Грозного»), *крестясь – князь* («Суд предков») [10, с. 28]. Здесь необходимо отметить одну деталь: не обсуждая характер примеров, большинство из которых спорны, и об этом будет сказано ниже, нам важно убедиться, что ученый допускает возможность произношения возвратного

постфикса с мягким согласным (хотя и считает более предпочтительным «твердый» вариант) и не осуждает поэтов за такие «орфоэпические вольности». Есть основания полагать, что подобные примеры не были редкостью – ни на рубеже XIX-XX веков, ни даже ранее. И были ли это действительно «вольности», а не нечто другое?

Принимая во внимание, что многие примеры, которыми ученые иллюстрируют свои наблюдения, относятся к первой половине XIX столетия², представляется целесообразным более детально проанализировать те произношения-нормы, которые существовали в литературном языке в первой половине XIX века, так как именно в это время формируется основа, ставшая базой для старомосковской орфоэпической системы. Все, что относилось к словесности золотого века русской литературы, воспринималось младшими современниками и потомками как нечто образцовое, заслуживающее подражания.

Вернемся к замечанию В. И. Чернышева о появлении в стихах известных поэтов рифм, предполагающих произнесение возвратного постфикса с мягким согласным [с']. Ученый считает подобные случаи исключительными, выбивающимися из общей картины. Для того чтобы проверить это утверждение, был проведен анализ стихотворных текстов поэтов первой половины XIX столетия³. Известно, что в этот период требования точной рифмы были безусловны, и это позволяет нам считать появление в рифмованных окончаниях случаев произнесения возвратного постфикса с твердым или мягким согласным реализацией именно орфоэпических особенностей речи авторов, а не соблюдением требований орфографии, как можно было бы предположить. Да и сами требования орфографии были еще неустойчивы, об этом убедительно свидетельствует частная переписка той эпохи.

Для анализа речи поэтов первой половины XIX века были взяты стихотворные тексты А. Н. Апухтина, Е. А. Баратынского, А. С. Грибоедова, Д. В. Давыдова, И. А. Крылова, М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина, В. А. Жуковского. Если предположения исследователей верны, то в речи этих авторов (точнее, в рифмах, которые возможно было бы обнаружить) значительное предпочтение должно было отдаваться произнесению возвратного постфикса *-сь* твердым [с]. Ср. у М. В. Панова фонетический портрет петербургского гвардейского поэта Сергея Никифоровича Марина: «он обычно пишет *-сь* (и *-ся*), но произносит согласный в этой частице, очевидно, твердо; о том говорит рифма: *встрепенись – Борис*» [9, с. 256-257]. Однако прежде чем обратиться к анализу частотности проявления как твердых, так и мягких вариантов произношения возвратного постфикса, следует прояснить ситуацию с особой глагольной формой, в которой, по мнению исследователей, на протяжении всего XIX столетия нормативной была именно мягкая реализация возвратной частицы. Речь идет о деепричастиях с ударением на последнем слоге. «По традиционным нормам частица *-ся* (*-сь*) произносилась, как сказано, всегда с твердым [с], кроме одного случая: в деепричастиях с ударением на последнем слоге *-сь* должна была произноситься мягко, т. е. *брал[с']*, *бравший[с']*, *беру[с]*, но *беря[с']*; *тряс[с']*, *трясший[с']*, *трясешь[с']*, но *тряся[с']*» [8, с. 322]. Описывая речь С. Н. Марина, Панов не обходит вниманием эту особенность его произношения; впрочем, указав на рифму *поселясь – ась*, двумя строчками ниже исследователь приводит пример *стремясь – Парнас*, считая это «перевыполнением плана по твердости» [9, с. 257]. Запомним это важное наблюдение.

С целью проверить это утверждение был проведен анализ стихотворных текстов поэтов первой половины XIX столетия; этот массив текстов был сопоставлен с поэтическими произведениями начала XX столетия на материале речи поэтов-«москвичей» (В. Я. Брюсов, З. И. Гиппиус, Б. Л. Пастернак, М. И. Цветаева) и «петербуржцев» (И. Ф. Анненский, А. А. Ахматова, А. А. Блок, О. Э. Мандельштам). Исследование велось в двух направлениях: с одной стороны, подвергались анализу все возвратные формы глаголов (кроме форм деепричастий с ударением на последнем слоге), в которых нормативным считалось твердое произношение постфикса; с другой стороны, отдельно рассматривались формы деепричастий с ударением на конце, в которых нормативным признавалось мягкое произношение.

Данные, полученные в ходе анализа⁴ поэтических текстов первой половины XIX столетия, позволяют сделать вывод, что произношение возвратного постфикса в первой трети XIX века в двух рассматриваемых позициях было вариативным, хотя предпочтение отдавалось «твердой» реализации у глаголов и «мягкой» – у деепричастий с ударением на последнем слоге⁵. Впрочем, в этот период не существовало никаких конкретных произносительных рекомендаций для возвратного постфикса. О предпочтениях мы можем судить, опираясь на статистические данные и учитывая дальнейшую судьбу сочетания *-ся/-сь*.

Исходя из полученных сведений, можно утверждать, что произношение, предшествовавшее становлению старомосковского говора, в целом соответствовало тем нормам, которые впоследствии были описаны исследователями на рубеже XIX-XX веков, при этом некоторые авторы допускали довольно значительную вариативность. Судя по орфоэпическим правилам, сформулированным лингвистами в начале XX столетия, старомосковское произношение категорически отвергало как мягкую реализацию возвратного постфикса у глаголов, так и твердую – у деепричастий с ударением на конце. В пункте № 21 лекции⁶ о московском произношении Д. Н. Ушаков говорит: «Глагольное окончание, которое пишется *-сь* и *-ся*, произносится с твердым [с]: *бою*↔[с] – *бои*↔и[с↔], кроме деепричастий с ударением на конце: *боя*↔[сэ]. Там произносится мягко. В причастиях на *-ся* одинаково допустимо и [с↔] и [сэ↔]: *боя*↔щий[с↔] и *боя*↔щий[сэ↔] и т. д.»; это утверждение описывает старомосковскую норму. Некоторые лингвисты высказывали точку зрения, согласно которой петербургская (ленинградская) норма в начале XX века отличалась от московской в рассматриваемом аспекте. Еще в середине XIX века произошло размежевание двух произносительных центров. «Различия в произношении между двумя столицами стали рассматриваться как различия между двумя орфоэпическими образцами. Петербургские черты – книжность выговора, неотграниченность некоторых норм от городского просторечия» [9, с. 94]. Ср. также: «Р. Ф. Брандт приводит такие примеры: с>т>рэими↔сэс>а, нэисэо↔с>с>а (обозначение здесь полумягкости у частицы *ся* и предшествующего согласного – отражение петербургской черты, притом фонетически несущественной)⁷» [9, с. 107] и: «частица *ся*, *сь*, произносимая с твердым [с] в Москве, в Питере произносится с мягким [сэ]» [9, с. 153]⁸. Причина этого расхождения – более сильное влияние

орфографии на произношение в Петербурге, «прочность произносительных традиций в Москве» [8, с. 320]. Свидетельства лингвистов, фиксировавших в начале XX столетия московское произношение, непротиворечивы: [абра<дз>овъльса], [въража<и>9т'ъс], [абраш#эа<у>с], [ы9а нэсэмэи9у<с>], [р'сэтэръэа<ф>шъс] и пр. [Lundell 1980: 23, 27, 28, 40, 52]; см. также приведенные выше транскрипции Ф. Е. Корша, В. И. Чернышева и др.

Представляется важным проследить, как реализовывалась эта норма в поэтических произведениях авторов (как москвичей, так и петербуржцев) в первой трети XX века. Эпоха уже не предъявляла таких строгих требований к точности рифмовки, однако в некоторых случаях качество согласного можно восстановить с уверенностью. Ср. высказывание А. К. Толстого, который одним из первых отступил от абсолютной точности рифм, неизбежной для поэзии XIX века: «Гласные, которые оканчивают рифму, – когда на них нет ударения – по-моему, совершенно безразличны, никакого значения не имеют. Одни согласные считаются и составляют рифму» [9, с. 157-158]. Это замечание важно – нас будет интересовать именно качество согласного в рифмованном окончании. С учетом того, что для этого периода уже актуально наличие двух «орфоэпических центров», были отдельно проанализированы тексты поэтов-«москвичей» и поэтов-«петербуржцев».

Сравнительный анализ рифм показывает, что произношение возвратного постфикса в первой трети XX века в двух рассматриваемых позициях было, как и веком раньше, вариативным, хотя в это время уже существовали подробные орфоэпические рекомендации, как следует произносить возвратную частицу и в деепричастиях с ударением на последнем слоге, и в прочих глагольных формах. Основываясь на анализе текстов поэтов-«москвичей», можно лишь с осторожностью сказать, что в начале XX столетия все еще отдавалось предпочтение «твердой» реализации у глаголов и «мягкой» – у деепричастий с ударением на конце. Причастия, о вариативном произношении которых упоминал в своей лекции Д. Н. Ушаков, не были выделены в отдельную часть исследования, так как слишком редко встречались в поэтических текстах в позиции рифмы. В Петербурге произношение *-сь/-ся* было, как и в Москве, вариативным, возможно, с небольшим преимуществом «мягкого» варианта у глаголов. У деепричастий с ударением на последнем слоге в этот период и в Москве, и в Петербурге, вероятно, нормативным был «мягкий» вариант, о чем свидетельствуют найденные примеры. Только в текстах Б. Л. Пастернака и М. И. Цветаевой (поэтов-«москвичей») у деепричастий преобладает «твердое» произношение. Возможно, это следствие гиперкоррекции.

Безусловно, полученных сведений недостаточно, чтобы с уверенностью утверждать, что вариативное произношение возвратного постфикса было присуще не только поэтической, но и живой литературной речи москвичей в первой четверти XX столетия (как и речи петербуржцев). Но этот пробел восполняется более подробным анализом поэтических произведений начала XIX и начала XX века. Многочисленны примеры того, что авторы, (не только в рамках подобных жанров, но и в пределах одного стихотворения) употребляют рифмы как с «твердой», так и с «мягкой» реализацией возвратной частицы. Также была изучена магнитофонная запись лекции Д. Н. Ушакова о старомосковском произношении (из фонотеки отдела фонетики ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, запись А-619). Анализ показал, что твердый вариант произношения появляется тогда, когда ученый иллюстрирует нормативную (или ту, которую он призывает считать нормативной) реализацию возвратного постфикса, а также во время чтения рассказа «Дачники», тщательно затранскрибированного ранее им самим совместно с Н. Н. Дурново, то есть там, где внимание исследователя уже было сосредоточено на спорных моментах произношения. Наблюдения показали, что только в одном случае налицо несовпадение текста транскрипции с фактической реализацией возвратного постфикса в живой речи. Однако запись лекции Д. Н. Ушакова не ограничена рассказом «Дачники». Обратимся к первой, теоретической части. Рассказывая о старомосковском говоре, ученый несколько раз употребляет в речи возвратные глаголы, всякий раз произнося частицу с мягким согласным: *исторически сложи<в>шую[сэ<э>] систему, обраща<ю>[сэ] к ним, приближа<ю>щий[сэ<э>] к [а], приближа<я>[сэ] к [и], произнося<я>щая[сэ<э>] группа [зж], ня [цэсэ<э>], я и ограни<чу>[сэ]. Любопытно, что «мягкий» вариант встречается в непринужденной речи, когда Д. Н. Ушаков «забывает», как следует произносить. И этого последнего факта уже достаточно для того, чтобы с большой долей уверенности утверждать – «мягкая» реализация возвратного постфикса у глаголов была возможна и достаточно частотна в старомосковском говоре (несмотря на то, что официально предпочтение отдавалось «твердому» варианту). Взаимозаменяемость «твердого» и «мягкого» вариантов у глаголов отразилась и на судьбе деепричастий с ударением на последнем слоге, где также было возможно произношение частицы и с твердым, и с мягким согласным (хотя нормативным считалось «мягкое» произношение).*

Литература

1. Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. – М., 1972.
2. Вербицкая Л. А. Современное русское литературное произношение. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Л., 1977.
3. Дурново Н. Н., Ушаков Д. Н. Опыт фонетической транскрипции русского литературного произношения // Slavia. Praha, 1926. Roč. V. Seš. 2.
4. Корш Ф. Е. Русское правописание // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, кн. 1. – СПб., 1902.
5. Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. – М., 1953.
6. Матусевич М. И. Русское литературное произношение. – М., 1976.
7. Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры // Русский язык и советское общество / Под ред. М. В. Панова. – М., 1968. – С. 104, 106.
8. Панов М. В. Русская фонетика. – М., 1967.
9. Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII-XX вв. – М., 2002.
10. Чернышев В. И. Законы и правила русского произношения. – Петроград, 1915.
11. Чернышев В. И. Как говорят в Петербурге // Избр. труды, т. II. – М., 1970. – С. 338-346.
12. Lundell J. A. Etudes sur la prononciation Russe. Upsala, 1890.

Примечания

¹ К этим примерам (а не ко всему утверждению в целом), призванным иллюстрировать произносительную ситуацию на рубеже XIX–XX вв., можно отнести с некоторым недоверием, памятуя, что сами тексты, на которые ссылается В. И. Чернышев, написаны веком раньше, в начале XIX столетия.

² Значит ли это, что в ряде случаев описана не вполне современная исследователям норма?

³ В книге М. В. Панова «История русского литературного произношения XVIII–XX вв.» подробно обсуждается вопрос о различиях между московской и петербургской орфоэпической нормой на разных этапах становления литературного языка. Однако для первой половины XIX века это несходство следует признать не слишком существенным прежде всего потому, что сами говорящие не заостряют на нем пристального внимания. «Причина миролюбия, видимо, в том, что бытовая речь, по крайней мере в первой трети века, не очень строго нормирована, она только становилась литературной. Московско-петербургские различия скрадывались этой орфоэпической пестротой, не до конца преодоленной в самом Петербурге (в меньшей степени – в самой Москве)» [9, с. 246]. В связи с этим признано нецелесообразным проводить четкое разделение между московскими и петербургскими поэтами этого периода, да и само такое разделение было бы затруднительным.

⁴ При анализе использовались тексты как собственно литературных произведений, так и (в некоторых случаях) опубликованных черновиков. Однако необходимо отметить, что данная выборка не носила тотального характера, хотя и стремилась охватить творчество поэтов так полно, насколько это было возможно. Также следует учитывать, что упомянутыми авторами было оставлено наследие неодинакового объема, что выразилось в значительных колебаниях количества примеров, найденных у разных поэтов.

⁵ Впрочем, будем учитывать, что у А. С. Пушкина количество примеров с твердым произнесением возвратного постфикса у деепричастий с ударением на последнем слоге превышает количество мягких. Однако общая статистика все же не дает оснований полагать, что твердый вариант был предпочтительнее в этой позиции.

⁶ Фонотека отдела фонетики ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, запись А-619.

⁷ Любопытно, что, обсуждая уже другую проблему (э↔жання–и↔канья), Р. Ф. Брандт («петроградец среди москвичей», по выражению М. В. Панова) транскрибирует [разэвила↔с], с твердым [с] в окончании [Брандт 1913: 37].

⁸ См. об этом также: [11, с. 343; 6, с. 22-23; 2, с. 130, 256].

Апраксимова Н. С. СЕМАНТИЧНИЙ АНАЛІЗ ДІЄСЛІВ ДЕСТРУКЦІЇ (НА МАТЕРІАЛІ ТВОРІВ Т. ОСЬМАЧКИ ТА А. ГОЛОВКА)

Сучасний етап розвитку лінгвістичної науки відзначається підвищенням інтересом до семантичних аспектів дослідження мови на всіх рівнях. Особливого поширення набуло вивчення смислової структури слова, яка тлумачиться як складна динамічна єдність системно зв'язаних і взаємодіючих компонентів, що функціонує у мові на основі різних кількісних та якісних співвідношень таких компонентів. Зважаючи на дуалістичний характер, особливу увагу дослідників нині привертає семантика дієслова як лексико-семантичного та граматичного класу слів. Вивченню дієслів присвячена велика кількість робіт. Але й досі дієслово з його багатого семантикою, численними контекстуальними виявами значень залишається широким полем для дослідження. Це пояснюється, мабуть, тим, що дієслово є основним граматичним засобом вираження предикації суб'єкта. Н. Ю. Шведова називає його «домінантою в системі лексики» [12, 369]. Справді, правильне розкриття значення дієслова визначає правильне розуміння всього змісту висловлювання.

Дана розвідка є частиною дисертаційного дослідження, присвяченого вивченню дієслів впливу, які становлять значну частину дієслівної лексики. Окремі слова з цим значенням уже потрапляли в поле зору мовознавців, але повністю ця лексико-семантична група (ЛСГ) ще не була досліджена. Нами здійснюється спроба зробити компонентний аналіз дієслів впливу й обґрунтувати функціонування категорії впливу.

Об'єктом даної статті стали дієслова деструктивного впливу. Дієслова деструкції – це перехідні дієслова із значенням фізичного впливу на об'єкт, у результаті якого об'єкт змінюється, пошкоджується його структурна цілісність на макро- або мікрорівні і він не може виконувати раніше притаманних йому функцій [8, 50].

Як уже зазначалося, більшість дієслів є багатозначними; вони можуть мати відтінки у значенні. Лише у конкретному контексті можна правильно з'ясувати значення того чи іншого дієслова. Тому матеріалом для відбору деструктивних дієслів стали твори Т. Осьмачки та А. Головка. Вибір саме цього контексту пояснюється тематикою творів. Можна сказати, що у них відтворені деструктивні процеси: руйнування старого способу життя, сподівань, мрій, знищення нації, народу. Варто зазначити, що дієслова деструкції є найпоширенішими дієсловами із значенням фізичного впливу на об'єкт, які вживаються у творах цих письменників.

Семантику дієслів досліджують російські та декілька українських мовознавців. І все ж дієслова із значенням руйнування ще мало вивчені. Так, Т. А. Кільдібекова, аналізуючи дієслова дії в сучасній російській мові, виділяє класи дієслів із значенням каузативу існування та зміни об'єктів, які становлять ЛСГ деструкції [3]. Об'єктом досліджень А. П. Султанової та О. І. Гавриліної стали англійські дієслова із значенням фізичного впливу [10]. Л. І. Григоршук та Т. А. Потапенко здійснили компонентний аналіз дієслів трансформуючого впливу сучасної російської мови [8], [2]. Український дослідник Наталія Пославська досліджує структуру словотвірних дієслів із семантикою «ділити на частини, відокремлювати від цілого», які входять до ЛСГ непохідних перехідних дієслів із загальним значенням руйнації об'єкта. Отже, ЛСГ дієслів деструкції в українській мові потребує повного й цілісного аналізу. Пропонована розвідка є спробою здійснення компонентного аналізу саме цих дієслів.

Одним з найважливіших видів лексикологічного аналізу є так званий метод компонентного аналізу лексичних значень. Він передбачає виявлення у значенні слів сем, з яких воно складається. Саме цей метод був використаний при аналізі виділених нами дієслів руйнівного впливу. Лексико-семантична група (ЛСГ) об'єднує в собі слова однієї частини мови, у якій, крім спільних граматичних сем, є як мінімум ще одна спільна сема – категоріально-лексична (архісема, класема, денотативна сема) [4]. Ця сема становить семантичну основу групи і в кожному окремому слові уточнюється з допомогою диференційних сем.

Інтеграційною семою дієслів деструкції є сема «руйнувати», яка у кожному слові супроводжується диференційними семами. Виявлення цих компонентів може здійснюватися інтуїтивно, підкріплюється семантичним зіставленням слова з іншими близькими за значеннями словами. Та вичерпне виявлення компонентів слів таким шляхом потребує багато часу і може бути помилковим, оскільки інтуїція кожного окремого дослідника досить суб'єктивна [4]. Тому значення кожного дієслова уточнювалося за 11-томним тлумачним словником, в якому визначальною стає інтуїція лексикографів-професіоналів. У межах ЛСГ дієслів деструктивного впливу можна виділити кілька підгруп. У тлумачному словнику російських дієслів пропонується така класифікація: **дієслова пошкодження об'єкта**: дієслова пошкодження неживого об'єкта, дієслова пошкодження тіла живої істоти; **дієслова негативного впливу на об'єкт**: дієслова негативного впливу на об'єкт із